

Чжань Пинчуань в полной мере ощутил на себе проявления бескорыстной материнской любви.

Ему до смерти захотелось, как в далёком детстве, вцепиться в ноги Чу Фу, прижаться к ней и ни за что не отпускать, бесконечно повторяя слово «мама». Но, видимо, у тигра всё-таки родился щенок — мать с явным облегчением отстранила сына:

— Будет тебе, не позорься.

Она никак не могла взять в толк: Чжань Цинхэ обладал формой белого тигра и в полном преобразении выглядел истинным повелителем зверей. Почему же их сын порой вёл себя как преданный пёс?

Чжань Пинчуань бережно убрал ампулу с эссенцией. В мгновение ока его лицо утратило шутовское выражение, став серьёзным и сосредоточенным:

— Не волнуйся, я сделаю всё, чтобы мне не пришлось вскрывать этот флакон. Я не подставлю ни тебя, ни отца.

Он не собирался полагаться исключительно на свои способности S-ранга. Ещё до пробуждения юноша долгие годы оттачивал навыки выживания в Подземельях. Здание «Синего Центра» действительно было логовом дракона, но всё зависит от того, кто в это логово входит. В мире не существует безупречных систем безопасности — есть лишь те, кто ещё не сталкивался с достойным противником.

Чу Фу мельком взглянула на сына и всё же не удержалась — ласково взъерошила ему волосы. Пусть пёс, зато свой, родной.

***

В течение месяца на стол команды «Небо Лань Ланя» легли сразу два документа: рекомендательное письмо от Университета Синчжоу и официальное приглашение от Федерального правительства.

Тан Ли, получив известие, едва не прыгал от восторга, Лю Бо тоже пребывал в эйфории. Лишь Ланс и Чжань Пинчуань оставались погружёнными в свои мысли, тщательно планируя детали предстоящей миссии.

День Рассвета неумолимо приближался. Столичный город уже погрузился в атмосферу праздника: вдоль дорог на деревьях развесили разноцветные гирлянды, а фонарные столбы украсили яркими поздравительными плакатами. Поскольку каникулы должны были продлиться целых полмесяца, цены на билеты и гостиницы по всей Федерации взлетели до

небес, но это не останавливало толпы туристов. Правительство издало указ об ужесточении проверок в Подземельях, чтобы пресечь любые попытки несанкционированного проникновения со стороны вольных пробуждённых.

Из-за этого нагрузка на следственный отряд «Синего Центра» и научно-исследовательский институт «Красная Софора» возросла многократно. Набор стажёров стал для них не просто жестом доброй воли, а вынужденной необходимостью.

И пока вся Федерация с предвкушением ждала праздника, Общество Чёрного Фонаря опубликовало в сети вторую заявку о помощи.

[Заявитель: Конфиденциально]

[Объект: Конфиденциально]

[Обвинение: Предательство, трусость, злоба]

[Приговор: Смертная казнь]

[Вознаграждение: Конфиденциально]

[Дополнительно: Режим секретности]

Едва заявка появилась, как её тут же подхватили ведущие СМИ. Общественность буквально взорвалась. После случая с Эрдифом организация оказалась в центре внимания, а неспособность «Синего Центра» поймать преступников лишь добавила ей ореол таинственности.

Люди начали понимать правила игры: в мире ежесекундно случаются несправедливости, и даже Общество не может исправить всё и сразу. Публикация на официальном сайте означала лишь одно: заявка принята, расследование завершено, и приговор вот-вот будет приведён в исполнение.

— Снова секретность? Кто же на этот раз?

— Ставлю на какую-нибудь крупную шишку. Заявитель явно боится мести, раз скрывает имя.

— Ха! Раз Общество взялось за дело, значит, этот человек действительно заслужил смерть.

— А то! Посмотрите на обвинения. Таких и жалеть нечего.

— Думаю, они нанесут удар совсем скоро. Нужно внимательнее следить за новостями.

— Прямо под День Рассвета... Интересно, хороший ли это знак?

— Да какая разница? Убивают-то сильных мира сего, нас, простых работяг, это не касается.

— С этим Обществом высокоранговые пробуждённые стали вести себя куда скромнее.

Новости быстро долетели и до стен «Синего Центра». Официально сотрудникам запрещалось обсуждать подобные темы, но за закрытыми дверями об этом не судачил разве что ленивый.

Двое дежурных следователей, проходя по седьмому этажу, не заметили ничего подозрительного. Воспользовавшись затишьем, они уткнулись в телефоны, перешептываясь:

— Видел новости? Чёрный Фонарь снова вышел на охоту.

— Да все уже видели. Интересно только, кто цель. Такая секретность... Напускают тумана.

— Думаю, скрывают имя, чтобы не спугнуть добычу. Эту цель явно будет сложнее достать, чем Эрдифа.

— Кто знает. В любом случае, всё руководство Федерации сейчас на ушах. Усилили охрану так, что даже из нашего отдела кучу народу выдернули. У нас теперь работать некому.

— Чистая совесть в охране не нуждается. Видать, сильно подышать не хочется — задолжали за предательства и трусость.

— Ш-ш-ш! Ты с ума сошёл? Тут везде камеры, жить надоело?

Перебросившись парой фраз, они поспешно покинули седьмой этаж. Они не услышали, как в одной из комнат, отделённой от коридора колючей сетью, раздался тихий шорох.

***

На экстренном совещании Сы Хунчэ подвергся жесткому давлению со стороны членов Федерального совета. От него требовали любой ценой поймать мятежников до наступления Дня Рассвета, чтобы унять панику среди чиновников.

Всю встречу Сы Хунчэ хранил молчание. Его лицо становилось всё мрачнее, а взгляд, устремлённый на советников, — всё холоднее. Едва председатель успел объявить о завершении, Хунчэ, не дожидаясь формального роспуска, резко поднялся и вышел, с грохотом

захлопнув за собой дверь.

Заместитель бросился следом, пытаясь вразумить начальника:

— Начальник района Сы, вы слишком демонстративно ушли. Это проявление неуважения. В понедельник на вас точно подадут жалобу Старейшинам.

Сы Хунчэ лишь зло усмехнулся:

— «Синий Центр» хранит порядок во всей Федерации, а не покой отдельных личностей. Ты хоть понимаешь, чего они так боятся?

Он стремительно шагнул к своему кабинету, не замедляя хода. Заместитель лишь горько вздохнул:

— В слишком чистой воде рыба не водится. Вам стоит смотреть на вещи проще. В конце концов, мы тоже извлекаем выгоду из того, чем стало Федеральное правительство сегодня.

Сы Хунчэ резко замер и медленно обернулся. Его глаза сверлили подчинённого ледяной яростью:

— И кто же, по-твоему, здесь извлекает выгоду?

Под этим взглядом заместителя прошиб холодный пот. Он тут же начал отвечать себе пощёчины, рассыпаясь в извинениях:

— Я виноват, начальник! Глупость сморозил! Нет никаких выгодоприобретателей!

Он лучше других знал, какую цену заплатил Сы Хунчэ, чтобы занять своё место. Тот потерял единственную сестру, стал смертельным врагом для прежней любви и едва не погиб в Войне по подавлению мятежа, защищая жизнь того, кого ненавидел больше всего. Именно жажда мести заставляла мужчину карабкаться вверх, но даже теперь, обладая недостижимой властью, он не знал, что такое счастье.

Его статус, его авторитет, его мощь — всё было выстроено на крови. Крови близких, крови врагов и крови совершенно непричастных людей. Помощник догадывался: если бы начальник мог всё изменить, он бы предпочёл никогда не переступить порог «Синего Центра» и уж точно никогда не привозить сестру в Столичный город.

Лишь спустя долгое время Сы Хунчэ отвёл тяжёлый взор. Напряжение в воздухе слегка спало, позволяя окружающим вздохнуть. Заместитель облегчённо выдохнул и плотно сжал губы, не смея проронить больше ни слова.

Покинув здание «Свинцового Облака», Сы Хунчэ сел в служебный автомобиль и направился к штаб-квартире. Вернувшись в кабинет, он швырнул кожаные перчатки на стол и, стоя спиной к двери, бросил следователю:

— Приведи его.

От Сы Хунчэ исходила такая аура ярости, что следователь едва набрался смелости ответить:

— Он... он сейчас в душе.

Оливер был самым странным существом в стенах здания. С одной стороны — личный пленник начальника района Сы, самое бесправное и ничтожное создание в этом месте. С другой — никто, кроме самого Сы Хунчэ, не смел коснуться его даже пальцем. И дело было не только в том, что юноша являлся редким S-рангом типа «Растения», но и в болезненном, граничащем с безумием чувстве собственности Хунчэ.

Во всём, что касалось Оливера, Сы Хунчэ становился непредсказуемым. Он мог избивать его до полусмерти, мог насильно брать его, унижая достоинство, но он же впадал в неопишемую ярость, стоило пленнику причинить себе вред, бросившись на колючую сеть. Мужчина лично приказал убрать все острые волокна с ограждения и зашлифовать его до гладкости. Поэтому следователи не смели беспокоить Оливера, когда тот запирался в ванной.

В этой мрачной и тесной камерке ванная была единственным местом, лишённым камер наблюдения.

Сы Хунчэ замер, а затем медленно обернулся, хмурясь:

— Ты сказал, он сам пошёл в душ?

— Да, господин Сы. По собственной воле, — торопливо подтвердил следователь.

Мужчина долго молчал, не в силах в это поверить. Оливер давно и глубоко погрузился в духовную систему. Он почти не реагировал на внешний мир, словно его плоть перестала иметь для него значение, а сознание сбежало в некий тихий уголок. Ему было плевать, насколько он грязен или жалок — он этого просто не замечал. Каждый раз Сы Хунчэ приходилось силой затаскивать его в ванну и смывать грязь под сильным напором воды. Сначала юноша сопротивлялся, пытался спрятаться, но со временем перестал реагировать даже на боль от ударов струй по телу.

И сегодня он вдруг решил вымыться сам?

***

Оливер сидел в ванне, обхватив колени руками. Прохладная вода омывала его израненное тело. В крошечное окошко заглядывал яркий солнечный луч. Юноша подался вперёд, подставляя лицо свету. Солнце казалось тёплым, оно слепило так, что невозможно было открыть глаза.

Он сидел в воде уже очень долго. Сначала кожа покраснела от жара, теперь же он мелко дрожал от холода. Кончики пальцев сморщились, недавно затянувшиеся раны размокли, побелели и начали едва заметно кровоточить.

Но никогда ещё он не чувствовал такого умиротворения.

Услышав обрывки разговора следователей, он понял: конец близок. Его расчет оказался верным — Общество Чёрного Фонаря приняло его просьбу. Совсем скоро он умрёт.

Когда человек узнаёт о своей скорой кончине, наступает короткий миг ясности — предсмертный проблеск. При жизни он был жалким и неопытным существом, но он хотел стать достойным покойником. Сейчас он испытывал странное, почти жестокое удовольствие и наконец нашёл в себе силы сделать что-то для себя.

В заявке он написал о своей злобе. Он ненавидел Сы Хунчэ за его холодное предательство, питал злобу к брату за нарушенное обещание, но сейчас в его сердце не осталось даже тени обиды. Этот мир был абсурден и полон монстров, и он сам был одним из них.

Когда Сы Хунчэ поднялся на седьмой этаж, Оливер уже вышел из ванны. Он сидел перед зеркалом и расчёсывал волосы. От долгого недоедания его золотые локоны потускнели, но он с поразительным тщанием распутывал их прядь за прядью, пока не осталось ни одного узелка. Его волосы вились, и расчёсывать их было мучительно больно — многие волоски вырывались с корнем. Он аккуратно собирал их и складывал в маленькую коробочку.

В его комнате не было мусорного ведра. Здесь вообще не существовало такого понятия, как частная жизнь — любая вещь, которой он касался, подвергалась тщательному осмотру, даже использованная упаковка от контрацептива.

Сы Хунчэ стоял за колючей сетью, наблюдая, как Оливер сидит к нему спиной, увлечённый своим занятием. Это было обыденное, почти житейское действие — забота о собственной внешности, — но в душе мужчины внезапно шевельнулся липкий страх. Потому что жизнь, спокойствие и привычные радости никак не вязались с этой тесной, погружённой во мрак клеткой.

— Что ты делаешь?

Сы Хунчэ распахнул сеть, вошёл в комнату и резко выхватил расчёску из рук пленника. От этого движения пальцы Оливера пронзила боль, но он лишь едва заметно поморщился и продолжил смотреть в зеркало.

— Я... слишком худой, — произнёс Оливер, чеканя каждое слово.

Это был первый раз, когда он сам заговорил с Сы Хунчэ, хотя ответ и прозвучал невпопад. Он действительно был пугающе истощён: скулы остро выпирали, щеки ввалились, а на веках, плотно облежавших глазные яблоки, не осталось ни капли жира. Он выглядел бесконечно усталым.

«Интересно, — подумал Оливер, — если я умру таким, хватит ли во мне питательных веществ?»

Те растения, что ждут его разложения, чтобы впитать его силу, наверняка будут разочарованы. Природа даровала ему великую мощь, а он сможет вернуть ей лишь эти жалкие остатки. Жаль, что времени больше нет, иначе он постарался бы немного откормить себя перед концом.

В комнате ещё висел влажный туман. Рана от хлыста на руке Оливера покраснела и начала сочиться — верный признак инфекции. Сы Хунчэ рывком поднял его со стула, заставляя смотреть на себя, и глухо потребовал:

— О чём ты, чёрт возьми, думаешь?!

Оливер не ответил. Он лишь коснулся руки Хунчэ, сжимавшей его горло, и спокойно посмотрел ему в глаза. Он смотрел внимательно, изучая каждую черточку его лица, каждый след, оставленный годами.

Когда-то Сы Хунчэ умел улыбаться — нежно, покровительственно или с легкой досадой. Нынешний начальник не улыбался никогда. Тот Хунчэ носил короткую, аккуратную стрижку, и его волосы так красиво разлетались, когда он прыгал с мячом на баскетбольной площадке. У этого были личные парикмахеры, но в его облике сквозила неистребимая чиновничья спесь. Прежний Сы Хунчэ вместе с ним спасал котят из вентиляции и прятал их в общежитии, а руки этого были по локоть в чужой крови.

Времени оказалось достаточно, чтобы изменить человека до неузнаваемости. И в этот миг Оливер осознал: он больше не любит и не ненавидит этого человека.

***

В День Рассвета вся Федерация погрузилась в негу каникул. Студенты Университета Синчжоу разъехались кто куда: кто домой, кто в путешествие. В кампусе почти никого не осталось.

Чжань Пинчуань украдкой спрятал металлический футляр от матери в складках одежды, которую затем уложил в рюкзак. Убедившись, что приборы не пострадают при ходьбе, он прислонил рюкзак к стулу и, подперев подбородок рукой, принялся наблюдать за Лансом. Тот как раз устанавливал третий уровень пароля на свой пузатый чемодан.

Чжань Пинчуань не выдержал:

— Ланс, что у тебя там за сокровища, раз ты их так бережёшь?

— Лапша из Гантана, родители прислали, — ответил Ланс, не отрываясь от кнопок. — Слышал, в «Синем Центре» кормят паршиво, боюсь помереть с голоду.

«Идиот ты этакий, — подумал он. — Конечно, там не только лапша. Как я, по-твоему, собираюсь выкрасть человека прямо из-под носа у Сы Хунчэ без подготовки?»

Чжань Пинчуань долго пытался осознать услышанное, но логика ускользала от него:

— Чемодан гантаньской лапши... и три уровня пароля? Ты правда думаешь, что кто-то станет её воровать?

Ланс медленно повернул к нему голову и замер.

Чжань Пинчуань: «...»

Спустя мгновение Ланс не выдержал и звонко рассмеялся, а в его глазах заплясали хитрые искорки. До Пинчуаня наконец дошло, что над ним подшучивают. Он тут же вскочил, подхватил «маленькую лисицу» на руки и, прижав к себе, спросил:

— Думаешь, я на неё позарюсь? Стану я воровать эту пустую похлёбку. Я же от неё мигом отоцаяю.

Ланс поднял на него взгляд и тут же встал на защиту любимого блюда:

— С чего это она пустая? Там и зелёный лук, и кинза, и кубики моркови, и крошка брокколи. А заправка — настоящий концентрированный костный бульон. Аромат и вкус — пальчики оближешь!

— И это ты называешь «пальчики оближешь»? Видать, ты никогда не пробовал острую говядину из Города Пустыни. Вот где настоящая сила. Я только на ней таким и вымахал, — с этими словами Чжань Пинчуань незаметно притянул Ланса ещё ближе.

— Я вырос на лапше и, как видишь, вполне здоров и полон сил, — выдохнул Ланс прямо ему в лицо. Его футболка уже измялась под руками Пинчуаня, крепко обхватившими его за талию.

— Да неужели? — Чжань Пинчуань вскинул бровь. Его взгляд скользнул к мягкой, влажной губе Ланса. — Дай-ка я проверю, насколько ты «полон сил».

Он склонился и нежно прикусил его губу, запечатлев долгий поцелуй. Ланс облизал влажные губы и, обхватив плечи Чжань Пинчуаня, с самым серьёзным видом уточнил:

— Ну как, господин Чжань, достаточно ли я питателен?

Он напоминал прилежного ученика, который обратился к учителю с неразрешимой задачей из учебника — словно от этого ответа зависела его итоговая оценка.

— Сложно сказать, — голос Чжань Пинчуаня стал низким и хриплым. Его ладонь легла на затылок Ланса, поглаживая чувствительную область железы, пока он прижимал его к себе. — Нужно проверить ещё раз, повнимательнее.

Сказано — сделано. На этот раз он «проверял» долго и тщательно, не оставив без внимания ни один уголок, не забыв и про кончик языка, что послушно прятался внутри. Ланс, казалось, и впрямь жаждал узнать ответ, поэтому всячески содействовал «проверке», даже приоткрыл рот, позволяя партнёру действовать увереннее.

Вскоре губы Ланса припухли и покраснели. Он слегка отстранился и приткнулся подбородком к плечу парня, восстанавливая дыхание.

— Ну что, господин Чжань, — прошептал он, всё ещё тяжело дыша. — На этот раз распробовали?

Чжань Пинчуань отвел прядь рыже-коричневых волос и коснулся губами места, где находилась железа. Не ставя метку, он просто приник к коже, а затем снова укрыв её волосами.

— Неплохо, — выдохнул он ему на ухо. — Маленькая лисичка со вкусом аромата звёздной магнолии.

Так, под предлогом обсуждения кулинарных традиций, они вдумчиво наслаждались ароматами, возвращёнными на разных землях. В итоге оба признали: блюда каждой стороны по-своему хороши, и делить им нечего.

Пришло время отправляться. Чжань Пинчуань подхватил чемодан Ланса, закинув свой рюкзак на плечо. Смахнув с губ следы недавней близости, они направились к школьным воротам.

Там их уже ждал служебный автомобиль с номером, начинающимся на «С.Р.1». Помимо водителя, их сопровождал командир небольшого отряда. Хэ Цзинъэнь, как официальный представитель университета, пришёл проводить их лично. Ветер развеивал его чёрный тренировочный костюм, делая его похожим на огромную птицу, расправившую крылья. Он с мягкой улыбкой помахал Лансу рукой.

Водитель раздавил окурок и швырнул его в окно. Мазнув презрительным взглядом по молодым

лицам в зеркале заднего вида, он завёл мотор. Шины с хрустом пронеслись по покрытию стадиона, миновали ворота и скрылись вдали.

<http://bllate.org/book/15867/1442037>